

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КАК ПРЕДПОСЫЛКИ ВОИНСКОЙ СТОЙКОСТИ И ХРАБРОСТИ СИБИРСКИХ КАЗАКОВ И СИБИРСКИХ СТРЕЛКОВ НА ФРОНТАХ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904—1905 гг. И ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914—1918 гг.

В годы Первой мировой войны германцы «в рядах русских войск» выделяли *«только казачьи полки и полки сибирских стрелков, и этому есть вполне определенное объяснение... При этом, боевые качества сибиряков выделяли и русские и немецкие генералы»* [26].

Германский офицер Г. Блюментрит (впоследствии генерал вермахта) вспоминал: «Сибиряк, которого частично или даже полностью можно считать азиатом, еще выносливее, еще сильнее и обладает значительно большей сопротивляемостью, чем его европейский соотечественник. Мы уже испытали это на себе во время Первой мировой войны, когда нам пришлось столкнуться с Сибирским армейским корпусом». Генерал пехоты Э. Людендорф (в октябре 1914 г. — генерал-майор, начальник штаба германского Главнокомандования на Востоке) заявлял: «Сибирские корпуса были особенно сильны и доставили нам много хлопот». Рядовой участник боев 1914 г. под Сувалками, Георгиевский кавалер Р. Я. Малиновский (впоследствии — дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза) свидетельствует: «Левее, у сибиряков, шли упорные штыковые схватки. Там германская пехота, окрыленная недавней победой над гренадерами, не сдавалась. Но, разобравшись, с кем имеет дело, потеряла устойчивость и отступила» [Цит. по: 7, с. 190].

Генерал-майор А. В. Туркул, награжденный в годы Первой мировой войны двумя солдатскими Георгиевскими крестами, так характеризует наших земляков в мемуарах: «Сибиряки, чалдоны, крепкий народ. Я помню, как эти остроглазые и гордые бородачи ходили в атаку с иконами поверх шинелей, а иконы большие, почерневшие, дедовские. Из окопов другой норовит бабахать почаще, себя подбодряя, а куда бабахает — и не следит. Сибирский же стрелок бьет редко, да метко. Он

всегда норовит стрелять по прицелу. Про сибиряков недаром говорят, что они белке в глаз метят, чтобы шкурки не испортить. Губительную меткость их огня и боевую выдержку отмечают, как известно, многие военные писатели, и среди них генерал Людендорф» [13, с. 7; 8, с. 315].

«Когда немцы узнавали, что напротив их позиций стоят сибирские стрелки, то они в десять раз увеличивали число своих часовых. Сибиряки всегда выделялись среди российских и советских солдат стойкостью и мужеством. Вспомним крылатое выражение времен Великой Отечественной войны: «Ожили русские сугробы — пошли сибирские полки» [22]. Спокойная жизнь храбрых пруссаков в окопах прекращалась: сибирцы, как заправские пластуны-разведчики, непрерывно беспокоили их ночными вылазками и диверсиями, уводя в полон зазевавшихся потомков воинственных тевтонов и других германских племен.

В чем же причины негибкого воинского духа сибирских казаков и стрелков времен Русско-Японской и Первой мировой войн?

Казаки являются прирожденными воинами, передающими военные традиции, навыки, сам образ жизни из поколения в поколение на протяжении столетий. Но почему таким же воинским духом и традициями зарекомендовали себя в двух войнах начала XX в. и сибирские стрелки?

В 1904–1905 и 1914–1915 гг. Сибирские стрелковые полки комплектовались «нижними чинами» (унтер-офицерами и стрелками) запаса, являющимися по происхождению чалдонами и переселенцами, прибывшими в Сибирь из Европейской России на рубеже XIX–XX вв. Только в годы столыпинской реформы в Сибирь из-за Урала переместились 3 млн 772,2 тыс. человек. Значительную часть из них составляли семьи из Малороссии (Черниговская, Полтавская и Екатеринославская губернии), в которой проживали потомки запорожских казаков, а также потомки «детей боярских» (однодворцев, «дворян-земледельцев» XVIII–XIX вв.), служилых городских стрельцов, казаков из Орловской, Тамбовской, Курской и Воронежской губерний, защищавших в XV–XVII в.в. южные границы Русского государства.

Мы рассматриваем историю сибирского казачества не с историко-сословной, а с историко-этнографической позиции по следующей причине. В течение XVII–XIX вв. в России социальные институты развивались настолько стремительно, что отдельно взятая семья и человек на протяжении своей жизни могли несколько раз сменить сословную принадлежность. Но позвольте спросить, как можно в упомянутой ситуации изучать историю рода, семьи, биографию человека с точки зрения истории русских сословий?

М. М. Громыко указывает на то, что в Сибири бывали семьи, где служилые казаки перемежались с дворянами; с другой стороны, кое-кто попадал в податные сословия; «ненаследственный характер звания сибирского дворянина», других категорий служилых людей «по отечеству» и «по прибору» создавал «сословную пестроту даже внутри семьи». Так, к примеру, «брат сына боярского, а потом и дворянина Петра Петровича Дворянского Илья был рядовым казаком; брат тобольского дворянина Ивана Серебренникова Петр — пробирным мастером» [1, с. 353-355]. В 1765 г. Василий и Ефим Текутьевы числились «обще с детьми своими в том стане в подушном окладе, всего тринадцать душ», а Андрей Текутьев был горным чиновником («обер-шихтмейстером»), его сын Семен — капралом лейб-гвардии Измайловского полка. Их отец и дед, Андрей Текутьев, имел чин подполковника, то есть был потомственным дворянином. В то же время другой Семен Текутев имел звание сына боярского, а Лукиян Текутев был разночинцем [1, с. 355, 356]. Другой пример: «сын боярский Никифор Степанов Вологжанин был по третьей ревизии записан в податной оклад»; его отец был и конным казаком, и разночинцем, а брат — казачьим сотником [1, с. 356, 357].

Уже на заре своей истории сибирское казачество являлось не сословием, а этнографической группой русского народа, не связанной с правительством договором об обязательной военной службе. Но это не исключало военную службу некоторых его представителей, и, следовательно, принадлежность к войсковому сословию. Казачьи историки еще в XIX в., не поднимая вопроса об особом «этнографическом» статусе казаков, тем не менее, подчеркивали отсутствие знака равенства между такими понятиями как «казачье сословие», «казачье население» (неслужилые казаки) и «войсковое сословие» (служилые казаки).

Общеизвестна «пестрота» источников в формировании войскового сословия СКВ (Сибирское казачье войско) в течение XVII в., тем не менее, на его основе к началу XVIII в. сформировалась особая этнографическая группа русского народа — сибирские казаки. Но и ее «новобранцы» второй половины XVIII–XIX вв. ничем не уступали коренным сибирцам (чалдонам) из числа служилых станичников и неслужилых казаков (будущих сибирских стрелков начала XX в.). Далее мы приведем любопытные сведения о том, как уже в XIX в. тысячи неслужилых сибирских и полтавских казаков, потомков городских служилых людей «по отечеству» и «по прибору» из Европейской России XVI–XVIII вв., состоявших в других сословиях, вступали в СЛКВ (Сибирское линейное казачье войско) и, таким образом, возвращались в войсковое сословие.

Специалисты по истории Сибири конца XVI–XVIII вв. знают, что чалдоны — это не просто русские старожилы Азиатской России, но это одна из категорий местного казачьего населения, сибирские, семиреченские, енисейские, иркутские и забайкальские казаки «старинных служб», своей воинственностью ничем не уступающие своим собратьям на Дону, Кубани, Тереке, Волге и Урале. Даже те из чалдонов, которые в течение XVIII–XIX вв. были исключены правительством из войскового сословия (то есть, перестали быть служилыми казаками), как были, так и остались казаками, сохранив в своей среде казачью культуру и обычаи. В паспортах некоторых из них до 1917 г. делались записи: «крестьяне из казаков» и т. п. То есть, правительство помнило о происхождении чалдонов, признавало их казаками, по возможности возвращало их в войсковое сословие, на службу. Например, в XVIII–XIX вв. многие чалдоны были переселены из внутренних уездов Тобольской и Томской губерний и зачислены на службу в Сибирское и Семиреченское казачьи войска, а тысячные партии полтавских казаков, продолжавших, по свидетельству Полтавского губернатора, «идентифицировать себя с казачеством, сохранив многие черты войскового сословия», добровольно перебравшись на Сибирскую казачью линию (в середине XIX в.) и в Приморскую область (на рубеже XIX–XX вв.), и стали соответственно служилыми казаками Сибирского и Уссурийского казачьих войск, получивших «не только количественное, но и качественное боевое пополнение» [5, с. 37; 24; 11, с. 110, 111; 25; 17; 6, с. 87–126, 160–188; 2, с. 33–35, 47, 48]. Так, по сведениям генерал-лейтенанта СКВ Г. Е. Катанаева, только «...в 1849 году в состав этого [Сибирского казачьего] войска переводится 4000 душ бывших «малороссийских казаков» Полтавской и иных [Черниговской, Харьковской. — А. О.] губерний...», временно проживавших в Саратовской губернии (по приглашению местного губернатора) и работавших чумаками (солевозами) на Волге [4, с. 22]. Н. В. Леденев упоминает о «3855 душах, малороссийских казаков и крестьян смежных с Сибирью малоземельных губерний» [6, с. 87]. С. М. Андреев уточняет и это число: добровольно переселились 3600 «малороссийских казаков» и потомков военно-служилых людей «по отечеству» и «по прибору» из Саратовской и Оренбургской губерний, состоявших в сословии государственных крестьян и «желавших войти в состав войскового сословия» [16]. Новоиспеченные сибирцы построили в середине XIX в. «12 новых станиц Кокчетавского внешнего округа» [23; 21].

Автор повестей о сибирской казачьей старине под общим названием «Пресновские страницы», романов о жизни сибирских казаков первой трети XX в. «Горькая линия» и «Ненависть» Иван Петрович Шухов (наш сибирский Шолохов), происходящий из рода тарских конных казаков XVII века Шуховых, был «в полном восторге» от старинного запорожского быта этих станиц, сохранивших на Сибирской линии «архитектуру» малороссийских усадеб, их убранство, неперменный борщ, «жаркие, ароматные вареники», «паляницы — огромные, выдобревшие на бражной опаре булки», «праздничные девичьи наряды» молодых казачек («расшитые крестом и гладью белые кофты», «ладные красненькие сапожки с подкованными каблучками», «цветные узкие юбочки — по колено», «шелковые ленты» в волосах), «расшитые по вороту гарусом — белые холщовые рубахи» и «разноцветные — сатиновые шаровары здешних молодых парней — парубков», их «щегольские, легкие, вызывающе заломленные на затылки конусообразные барашковые шапки», «мягкие — без каблучков... сапоги», «чубы... и узорчатые шерстяные самотканые пояса». Запорожцы сохранили в сибирских степях до начала XX в. и свой говор. «Певучий. Ласковый. Со смешинкой. Доверительный. Незлобивый» и малороссийские песни [12, с. 81; 10, с. 111; 15, с. 103–105].

В начале XIX в. в Тульской, Тамбовской, Орловской, Курской и Воронежской губерниях проживали «так называемые четвертные владельцы, сохранившие это название, как воспоминание о тех четвертях, которыми верстались их предки, — это все потомки первых насельников и колонизаторов края — детей боярских XVI и XVII вв.», когда в «той местности... пролегла пограничная черта» [9, с. 85]. В 1826–1827 гг. (воспользовавшись Именным Указом Государя Императора Александра I правительствующему Сенату «О разрешении казенным крестьянам всех губерний переселяться в Сибирь и внутри сибирских губерний» от 10 апреля 1822 г.) эти-то «одноворцы» (такое прозвание в XVIII в. получили потомки «четвертных владельцев», всегда помнившие о служилом прошлом своих предков), «поприходя из Российских Губерний в Петропавловскую округу», быстро обжились на Сибирской линии и к середине XIX в. добровольно записались в войсковое сословие [18; 20]. И. П. Шухов указывает, что названия станиц и поселков, основанных потомками служилых людей из Средней России, были «не обычного, мирского, а подчеркнута духовного, какого-то церковно-славянского происхождения: ...Богдановка, Благовещенка, Святодуховка, Боголюбовка, Троицкое, Борисоглебовка, Раевка, Сретенка, Спасовка, Возне-

сенка». «Жители этих — второотдельских — станиц тоже в сущности были переселенцами. Выходцами из центральных губерний России». Писатель отмечает «...привлекательный облик их небедных, ревниво содержавшихся в чистоте и порядке молодых станиц» с «их добротными — один к одному — деревянными крестовыми домами, крытыми то листовым железом, то — тесом. И такими же прочными, кондовыми надворными постройками — амбарами, заборами, воротами — тоже бревенчатыми и тесовыми, срубленными грубо, но намертво — на века!» [15, с. 102, 103].

Но служилые казаки СКВ, как и Сибирские стрелки начала XX в., сохранили не только духовную православную и материальную культуру своих предков, но и морально-боевые качества, казачью воинскую культуру (казаков-конников и казаков-пластунов). «Восстановленные в правах станичники быстро приобретали навыки военной службы, а патриотического казачьего духа, как и их героическим предкам — пионерам Сибири, им было не занимать» [3, с. 23]. «Первая мировая война еще раз показала, — пишет А. Смирнов, — что боевые качества войск зависят не только от уровня их выучки, но и от особенностей тех или иных групп населения, а также от армейских традиций части. Так, среди солдат русской пехоты выделялись сибиряки. В 1914 — начале 1915 г. солдаты-сибиряки еще были сконцентрированы в Сибирских стрелковых дивизиях, но в дальнейшем и в них, и в других соединениях служили уроженцы как Сибири, так и остальной «Расеи». П. А. Новиков отмечает, что, оказавшись на фронте к концу сентября 1914 г., сибирские стрелки стали «последним резервом Российской империи, брошенным на чашу весов начального периода войны» [Цит. по: 14, с. 523]. Частенько в войнах начала XX в. представители одного и того же рода казаков-чалдонов воевали как в Сибирских казачьих, так и в Сибирских стрелковых полках.

Граф А. Н. Толстой пишет о Сибирских стрелковых полках: «У нас каждый день, каждый час вливаются в армию новые полки, выносили, крепкие, привыкшие к зимним невзгодам, блестяще показавшие себя в последних боях» [19].

На воинов Христовых — сибирских казаков-чалдонов, полтавских, черниговских и харьковских казаков, потомков военно-служилых людей с бывшей засечной черты, воевавших в годы Русско-Японской и Первой мировой войн в Сибирских стрелковых и Сибирских казачьих полках «за Веру, Царя и Отечество», смотрели с небес и молились за них их предки, герои Сибирского похода дружины Ермака Тимофееви-

ча, Азовского сидения, освободительной войны за воссоединение Малороссии («Украины») с Россией. Сибирские стрелки и казаки не могли выйти из сражений Русско-Японской и Первой мировой войн побежденными и покрыть позором знамена своих полков, память прадедов, хотя иногда их выручали в битвах только Господь Бог, их штыки, пашки и стальной сибирский характер.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Громько М. М. К характеристике сибирского дворянства XVIII в. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973.
2. Ермак Г. Г. Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России. Вторая половина XIX — начало XX в. Владивосток, 2004.
3. Звягин А. Искитимские покорители Сибирской земли. Исторические очерки. // Пятый разъезд. Искитимский историко-публицистический и литературно-художественный альманах. Искитим, 2008.
4. Катанаев Г. Е. Краткий исторический очерк службы Сибирского казачьего войска. Официальная записка председателя войскового правления Сибирского казачьего войска генерал-майора Катанаева. Омск, 1901.
5. Колесников А. Д. Землепроходческий подвиг сибирских казаков. // Сибирское казачество: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 420-летию Сибирского казачьего войска (г. Омск, 17–18 декабря 2002 г.). Омск, 2003.
6. Леденев Н. В. История Семиреченского казачьего войска. Репринтное воспроизведение издания 1909 г. Новосибирск, 2005. Переиздание книги осуществлено трудами священника Александра Зырянова, несущего службу в г. Верном, его одноклассника и однокашника по НГУ Дмитрия Верховода, правнука полного Георгиевского кавалера, атамана Щучинской станицы 1-го военного отдела СКВ Е. Ф. Верховода.
7. Новиков П. А. Сибирские стрелки в первой мировой войне // Известия Алтайского государственного университета. Барнаул, 2008. Вып. 4–3 (60).
8. Рутыч Н. Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России. Материалы к истории Белого движения. М., 2002.
9. Савелов Л. М. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском археологическом институте преподавателем института Л. М. Савеловым. Репринтное воспроизведение издания 1909 г. М., 1994. Вып. 3 (Справочники по русской истории).
10. Соколовский И. Р. Алфавитный указатель служивых людей, упоминающихся в окладных книгах Сургута и Тары. // Таможенные книги сибирских городов XVII века. Новосибирск, 1997. Вып. 1.
11. Список именной тарским казакам, сколько кто лет, женат или холост, у кого какое ружье, шпаги и лошади, значит под сим. 1765 году октября 15

- дня // Недбай Ю. Г. История Сибирского казачьего войска (1725–1861 гг.): в 2 т. Омск, 2001. Т. 1, 2.
12. Таможенная книга Тары за 1674/5 г. // Таможенные книги сибирских городов XVII века. Новосибирск, 1997. Вып. 1.
 13. Туркул А. В. Дроздовцы в огне // Я ставлю крест... А. Туркул. Дроздовцы в огне; Г. Венус. Война и люди. М., 1995.
 14. Федорова Т. В. Роль сибирских войсковых подразделений в боевых действиях первой мировой войны. // Великая война. Последние годы империи. Материалы XX Царскосельской научной конференции. СПб., 2014.
 15. Шухов И. П. Отмерцавшие марева. Повесть // Пресновские страницы. Повести, рассказы, очерки. Алма-Ата, 1987.
 16. Андреев С. М. Сибирское казачество: источники формирования, численность, размещение. // Сайт «Сибирский казак». Режим доступа: http://xn--80aaa0andw4aj.xn--p1ai/index.php?exactname=1&childforums=1&q=%D0%B8%D1%80%D1%82%D1%8B%D1%88%D1%81%D0%BA&Itemid=13&limitstart=15&func=advsearch&option=com_kunena (дата обращения 09.04.2012).
 17. Выписка из реестров разным лицам, проживающим в местах расположения Сибирского Линейного Казачьего Войска, которые по объявленному ими желанию просят о зачислении их в казачье сословие сего войска. № 3003 от 21 мая 1848 г. / Архив г. Тобольска. Ф. 154. Оп. 20. Д. 5. Цит. по: Сайт «Сибирский казак». Режим доступа: http://www.xn--80aaa0andw4aj.xn--p1ai/index.php?option=com_kunena&func=view&catid=242&id=1327&Itemid=13 (дата обращения 08.04.2012).
 18. Донесение Омского Общего Областного Управления Генерал Губернатору Западной Сибири. № 184, получено 8 февраля 1829 г. // Сайт «Сибирский казак». Режим доступа: http://www.казакстан.рф/index.php?option=com_kunena&func=view&catid=126&id=4715&Itemid=14 (дата обращения 06.04.2015); публикация размещена Т. К. Бадюлиной.
 19. Левадная Б., Огнева В., Солин Ю. Первая мировая война и Новониколаевск. Интеллектуальная игра, посвященная 100-летней годовщине с начала Первой мировой войны // Забытая Великая война. К 100-летию с начала Первой мировой войны 1914-1918 гг. [Электронный ресурс] / Новосибир. обл. науч. б-ка. Новосибирск. 2014. 1 электрон. опт. диск (DVD-диск).
 20. Нечай. История села Боголюбово // Сайт «Сибирский казак». Режим доступа: http://www.казакстан.рф/index.php?option=com_kunena&func=view&catid=126&id=4715&Itemid=14 (дата обращения 06.04.2015).
 21. Об основании и основателях станицы Котуркульской // Сайт «Сибирский казак». Режим доступа: http://www.xn--80aaa0andw4aj.xn--p1ai/index.php?option=com_kunena&func=view&catid=43&id=2584&Itemid=0 (дата обращения 24.11.2012).

22. Поляков С. П. Сибирские стрелки // Архипелаг Святая Русь. Режим доступа: http://rys-arhipelag.ucoz.ru/publ/sergej_poljakov_sibirskie_strelki/24-1-0-2597 (дата обращения 1. 04. 2014).
23. Список крестьян сельца Семеновка Ивановского общества, отказавшихся от переселения в 1849 г. в Киргизскую степь и оставшихся на прежнем месте жительства // Сайт «Сибирский Казак». Режим доступа: http://www.xn--80aaa0andw4aj.xn--p1ai/index.php?option=com_kunena&func=view&catid=43&id=2584&Itemid=0 (дата обращения 24.11.2012).
24. Список о выкомандированных с тюменской казачьей команды казаков // Сайт «Сибирский казак». Режим доступа: http://www.xn--80aaa0andw4aj.xn--p1ai/index.php?option=com_kunena&func=view&catid=242&id=5032&Itemid=13 (дата обращения 08.04.2012).
25. Список разным лицам проживающим в местах расположения Сибирского Линейного Казачьего Войска, которые по проявленному ими желанию просят о зачислении в казачье сословие сего Войска. № 6407 от 21 октября 1847 г. / Архив г. Тобольска. Ф. 154. Оп. 20. Д. 5. Цит. по: Сайт «Сибирский казак». Режим доступа: http://www.xn--80aaa0andw4aj.xn--p1ai/index.php?option=com_kunena&func=view&catid=242&id=1327&Itemid=13 (дата обращения 08.04.2012).
26. Филатов К. Национальные особенности воинов России, ее противников и союзников в Первой мировой войне // Сайт Имперского Казачьего Союза. Режим доступа: <http://iks2010.org/?p=25182> (дата обращения 21.04.2013).

О. А. ПУШКАРЕВИЧ

**«ФРОНТУ — МЕДИКАМЕНТЫ, РАНЕНЫХ — В ТЫЛ»
(исторические исследования о Великой Отечественной войне,
а также специфике организации военной экономики,
оборонной промышленности и жизни населения в тылу)**

В 1970–1980-е гг. во многих городах СССР школьники вели поисковую работу, активно переписывались с ветеранами. Мой фронтовик — это врач Силина Марьям Газизовна из Москвы. Воспоминания о службе написаны в период с 1982 по 1985 г. С октября 1942 г. Марьям Газизовна проходила службу в 229-й стрелковой дивизии в 804-м стрелковом полку в должности младшего врача полка. Второе формирование 229-й Одерской стрелковой дивизии проходило в районе Ишима Омской (ныне Тюменской) области под руководством подпол-